го три месторождения на торги. Три против десяти — и такая тенденция, думаю, сохранится.

BG: Можно ли оценить потенциал этих новых территорий?

А.Б.: Оценить потенциальный прирост невозможно, потому что формально это пустые территории, они пока не говорят нам ни о чем. И все-таки именно новые, малоизученные территории являются перспективными в части новых значимых открытий. Прирост запасов на действующих месторождениях может быть связан с открытием отдельных пропущенных залежей. Все-таки геологоразведка в советское время была организована очень хорошо, и, по большому счету, все совершенные тогда открытия месторождений подтверждены по итогам последующей организации на них добычи. То есть поиски и оценка были проведены объективно.

BG: И тем не менее на действующих месторождениях предприятия, в первую очередь, конечно, «ЛУКОЙЛ-Пермь», делают новые открытия и восполняют ресурсную базу. Или лукавят?

А.Б.: Разумеется, разведочные работы на действующих месторождениях тоже дают свой результат. В целом прирост запасов на действующих месторождениях Пермского края составил 10 млн тонн. В то же время в прошлом году на новых участках было открыто два месторождения с общими запасами около 500 тыс. тонн нефти.

Есть также потенциал у изучения больших глубин. Например, сейчас добыча в крае ведется в основном на глубине до 2 км. Но нефть и газ и в мире, и у нас в стране добываются и с глубин 5–6 км. Другое дело — чем глубже, тем дороже.

Кроме того, сейчас извлечение нефти из залежей по технико-экономическим причинам составляет не более 40%, оставшиеся более 60% — это потенциал, за который надо бороться и который, в общем-то, все держат в уме. При благоприятной конъюнктуре рынка и по мере развития технологий, думаю, интенсификация добычи будет расти.

BG: Сейчас вроде бы речь идет о том, что сланцевая нефть может стать перспективным ресурсом?

А.Б.: Сланцевая нефть — это нефть, содержащаяся в тех пластах, которые раньше не считались способными отдавать углеводороды. Они малопроницаемые, малопористые. Извлекать нефть из них возможно, но это требует специфического бурения, применения интенсивных мер воздействия на продуктивный пласт. Это дорого и небезопасно с точки зрения экологии. То есть вопрос «сложной» нефти, конечно, обсуждается, но пока для нашей страны это вторично, так как есть «традиционная» нефть. Недропользователям нет смысла вкладываться в это направление, если имеющиеся запасы позволяют держать добычу на приемлемом уровне, не увеличивая себестоимость. С научной точки зрения этот вопрос, конечно, прорабатывается, крупные предприятия изучают возможности добычи такой нефти, но пока только с исследовательской целью, на далекую перспективу. Сейчас, если говорить в масштабах всей страны, приоритетной задачей скорее является освоение территорий, связанных с шельфом.

BG: Геологоразведка и освоение новых территорий и технологий добычи — прерогатива крупных компаний, или малые тоже могут в этом процессе поучаствовать?

А.Б.: Недропользование вообще в большей степени сфера деятельности крупных компаний. Все-таки это затратный, наукоемкий и очень рисковый бизнес, перспектива которого зависит от многих причин. Он требует больших вложений, а доступ к кредитным ресурсам сейчас ограничен. Сложность еще и в том, что до выхода на добычу предприятию нужно уладить массу бюрократических сложностей, связанных с получением разрешений и согласований различных ведомств. При этом каких-то специальных льгот для малых предприятий нет. Но по мере работы копится опыт, небольшие компании не уходят с рынка — значит, все-таки что-то у них получается.

Сейчас в Пермском крае 34 компании имеют лицензии на УВС, из них три предприятия входят в группу «ЛУКОЙЛ». Остальные можно отнести к малым предприятиям, большинство из которых не интегрированы в какие-либо холдинги. Причем за последние 13 лет их число увеличилось ровно в три раза. Конечно, лицензий на пользование недрами у них немного — от одной до пяти на компанию, и доля от совокупной добычи Пермского края невелика — примерно 4%. Но она растет: еще несколько лет назад не связанные в «ЛУКОЙЛ» предприятия добывали всего 1% от общего объема добычи в крае. Так что малые компании тоже пытаются развивать свой бизнес.

BG: Как вы считаете, доля малых предприятий будет расти? Или чем сложнее и, соответственно, дороже будет становиться добыча, тем меньше их останется на рынке?

А.Б.: Во всяком случае доля малых компаний в общем объеме добычи в крае точно может вырасти. Далеко не все из них приступили к активной добыче, многие месторождения находятся на этапе ввода в эксплуатацию и в ближайшие годы начнут активно отрабатываться. Так что, вполне возможно, в среднесрочной перспективе на их долю придется до 10% добычи. Словом, как у малых, так и у крупных предприятий есть возможности как для осуществления геологоразведки, так и для интенсификации добычи, весь вопрос в экономической целесообразности.

BG: Стоит ли предприятиям рассчитывать на какие-то меры господдержки?

А.Б.: Преференции и льготы зависят от тех задач, которые ставит государство. Если сегодняшняя добыча нефти, которая в стране составляет примерно 550 млн тонн в год, устраивает руководство страны, то какого-то смысла форсировать добычу нет. Если завтра падение будет значительным и мы не сможем выполнять обязательства, взятые перед нашими покупателями, то встанет вопрос, что бизнес надо поощрять.

И сейчас существуют отдельные льготы, например для предприятий, которые занимаются добычей трудноизвлекаемой нефти, или для работающих на территории Дальнего Востока. Пермский край пока не подпадает под их действие.

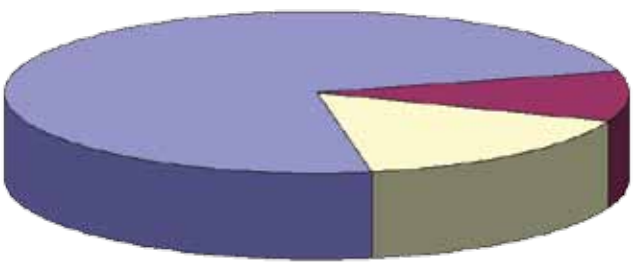
Другой вариант — программа воспроизводства минерально-сырьевой базы за счет государственных средств. Бизнесу интересно все-таки приходить не на пустые территории, а туда, где есть хотя бы разведанные ресурсы, где имеется какая-то геологическая информация. Правда, Пермский край здесь не в самом выгодном положении. С одной стороны, это не такая перспективная, как считается, территория, как шельф или Восточная Сибирь. С другой стороны, регион со стабильной добычей, который не нуждается в дотациях.

BG: Что же остается в этой ситуации региону? Те самые 35 лет, и точка?

А.Б.: Даже через 35 лет запасы вряд ли истощатся. Во-первых, происходят пусть не крупные, но новые открытия. Во-вторых, увеличивается объем наших знаний о недрах, что, соответственно, повышает ценность недр. У нас есть перспективы, связанные с интенсификацией добычи на действующих месторождениях, освоением более глубоких горизонтов и изучением новых территорий. Тем не менее какие-то решения на долгосрочную перспективу органам власти нужно искать уже сейчас, чтобы привлекать бизнес в отрасль, повысить качество недропользования и создавать задел на будущее. Пока углеводороды все-таки являются незаменимым источником энергии и доходов бюджета.

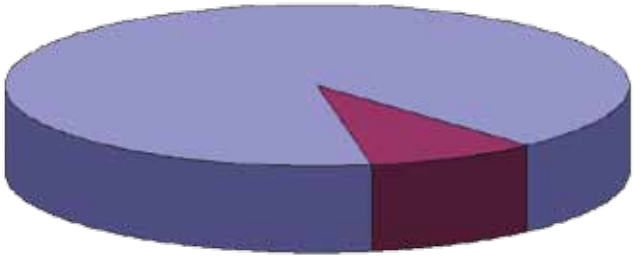
Беседовала Оксана Астафьева

ЛИЦЕНЗИИ



Всего: 200
- **На добычу углеводородов – 147**
- **На поиск – 20**
- **Совмещенные – 33**

КОЛИЧЕСТВО НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ



Всего: 34
- **Входят в группу «ЛУКОЙЛ» – 3**
- **Малые нефтедобывающие компании – 31**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

ПРИМИТЕ ИСКРЕННИЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПРАЗДНИКОМ – ДНЕМ РАБОТНИКОВ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!

Этот праздник занимает особое место в нашей жизни, потому что добыча нефти и газа – важнейшая сфера российской экономики. Если богатством России мы называем нефть и газ, то главная ценность нефтегазового сектора нашей страны – это люди.
Благодаря вашему нелегкому повседневному труду преображается наш край, создается прочная основа для жизнеобеспечения города, региона.
Особая благодарность и низкий поклон – ветеранам отрасли, успехов и свершений молодому поколению. Пусть ваш профессионализм растет и впредь, а труд становится еще более эффективным и производительным!
От всей души – с праздником!
Крепкого здоровья, счастья, оптимизма, удачи, благополучия вам и вашим семьям!

Генеральный директор
ООО «Газпром межрегионгаз Пермь»
АО «Газпром газораспределение Пермь»
Николай Благов

На правах рекламы